

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

Последняя Золушка

Как попасть в сказку и стать принцессой? Достаточно просто записаться на мастер-класс... по писательству, например. Но не к кому попало, а к известному автору детективов Льву Стасову. И не куда попало, а в элитный клубный пансионат. Тут любая хорошенькая Золушка найдет своего богатенького принца на белом «мерседесе». Главное — вовремя сдавать эссе и сочинения. И от принцев не будет отбоя. Но неожиданно там начинают происходить загадочные события. И теперь Стасову совсем не до писательства...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5432-9

9 786171 125432 9

Последняя
Золушка

*Последняя
Золушка*

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Последняя
Золушка*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-5432-9

- © Костина-Кассанелли Н., 2018
- © DepositPhotos.com / vicnt2815, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

...Город стал совсем крошечным и перенесся в пещеру под камнями. Ничего не изменилось — те же дворцы, и цветущие сады, и люди — они ростом с муравьев, но живут прежней жизнью: носят костюмчики, устраивают банкетки, рассказывают друг другу историйки, распевают песенки.

Король понимает, что произошло, и мучается кошмарами, но остальные ничего не знают. Не знают, что стали крошечными. Не знают, что считаются мертвыми. Даже не знают, что спаслись. Скала над головами — будто небо; сквозь щелку меж камнями сочится свет, и они думают, что это солнце.

Маргарет Этвуд. Слепой убийца

Мир номер один. Реальность.
Писатель, известный в узких кругах

— Ты ж у нас вроде писатель? И даже вроде известный?

— Известный... в узких кругах... — пробормотал я.

— Ладно. Прости, что побеспокоил. Я так понял, это тебе не нужно...

На самом деле мне ЭТО было нужно. По многим причинам сразу. Однако я не стал озвучивать ни единой. Потому что, блин, я действительно писатель! И действительно как бы известный! И даже не совсем в узких кругах. Словом, добротный такой писателишка средней руки. Крепко сколоченные детективы, захватывающий сюжет, где в конце добро непременно дает злу полноценного пенделя под его хитрый поджарый зад. В продолжении, кое наступает в оговоренный с издательством срок, также все по плану: очередное лихо с визгом и причитаниями уматывает, улепetyвает, удирает, сматывает удочки, а капканы даже подобрать не успевает, поскольку оные уже растоптаны в прах могучими ноженьками добра.

По ходу дела также наступает конец света... э-э-э, пардон! — полный и окончательный хэппи-энд и братание в окопах. Влюбленные воссоединяются, брат спасает брата, сестра прощает козни сестре, подруге или раскаявшейся в конце истории недалекой, но, в сущности, неплохой и душевной мачехе. Дамы рыдают вслух, мужчинам позволительно смахнуть скупую, но искреннюю слезу. Даже меня временно попускает, и я начинаю строить планы — но все это только до следующей книги. Которую надо написать кровь из носу, потому как очередной шедевр жанра уже поставлен в план. Я сдал синопсис, подписал договор и даже получил аванс — с облегчением раздал первоочередные долги.

В новой книге, разумеется, ничего нового: все тот же душещипательный сюжет с вариациями, однако с неизменным героем, которого я знаю как собственную пятерню. Этот неубиваемый

мачо, честно говоря, уже осточертел, словно гиперактивный сосед с перфоратором, живущий за стенкой. С каждой изданной книгой в этом продукте моего воображения остается все меньше человеческого. Мой неубиваемый терминатор, который страница от страницы матерееет и закаляется, меняет лишь подруг, автомобили и географию приложения своего терминаторства.

В последний раз, помнится, подсознательно я так сильно желал от него избавиться, что загнал в Зимбабве. Разумеется, измышление моего нездорового разума не умерло от лихорадки, не было убито отравленной стрелой или со вкусом съедено дикарями. Да, трудно придушить собственное детище, даже если оно и чудовищно. Я не мог от него отделаться, поэтому злобно швырнул бумажного героя в самое пекло Африки, — наверное, этому поступку также способствовало необычайно жаркое и сухое лето, совсем меня доконавшее. Я буквально задыхался от зноя в клетушке, обоими окнами выходящей на юг. Старый кондиционер не выдержал перегрузок и накрылся, на новый не было денег — в основном потому, что весной меня, как всегда, потянуло в путешествия и я недальновидно истратил сбережения на страны менее экзотические, чем Зимбабве.

Сейчас я сидел на мели: халтуры, без которой не живет ни один писатель, не подворачивалось, а первые дивиденды за роман начнут капать только через полгода. Состояние полной опустошенности, сопровождающее окончание любой книги — хорошей, плохой, все равно, — уже прошло; я маялся, хотя и по-другому, чем летом, когда разгуливал по жилплощади в одних трусах, ненавидя все, имеющее температуру выше двадцати по Цельсию, и заставляя как злодеев, так и положительных персонажей испытывать невыразимые мучения в дебрях черного континента.

— Подумать-то можно? — недовольно спросил я, потому как тот, что предложил неожиданный и не совсем понятный мне приработок, не желал выдерживать театральных пауз, отодвинул стул и уже собрался уйти. Он был человек действия и жил в реальном и единственном мире, в то время когда меня постоянно носило бог знает где. И даже машины времени для этого не требовалось.

— Думай! Но не слишком долго. Вечером позвони: да, нет.

Я уже знал, что скажу «да». Собственно, я мог бы подарить ему это «да» прямо сейчас, но какой «вроде известный» писатель бросается на свалившуюся с неба синекуру, как перезимовавший

карашь на червя? Тогда и цена ему, то есть мне, и будет как безмозглому карасю.

Я непременно позвоню, засунув глупую гордость и свое не менее глупое тщеславие в свою же задницу: больше оттого, что у меня не финансовый кризис, но кризис жанра. Мне больше не хочется никакой словесной чепухи; я устал спасать томных красавиц цвета эбенового дерева или же золотоволосых, но непременно с гладкой как атлас кожей — будь прокляты все литературные штампы на свете! — я устал от всего. В том числе и быть «вроде как известным писателем». Меня тошнит от одной мысли снова настроичить детектив. Наверное, я расту... или же просто устал? Скорее последнее, но приятно думать, что я-таки созрел для чего-то большего, чем приключения высокого светловолосого блондина скандинавского типа, атлетически сложенного и к тому же умного, — ну не подражать же мне было Агате Кристи с ее непревзойденным толстячком Пуаро?!

Наверное, все мы периодически устаем от самих себя и желаем несбыточного. Внезапно я очень ясно вижу картинку из собственного недалекого будущего: я в кабинете главного, с предвкушением похвалы, но... У вершителя писательских судеб на лице кислая полуулыбка. «Лева, — говорит он, — с какого перепугу ты это накатал?! Разумеется, — тут же идет он на попятную, но голос его тверд, как сплав стали с титаном, — это написано прекрасно, просто прекрасно, но... тема! Тема! Куда тебя занесло? И к чему нашему издательству эти... простите мой французский, психологические экзерсисы?».

Он очень не хочет меня обидеть, иначе вместо «экзерсисы» непременно охарактеризовал бы прочитанное более близким — «бредни». «Мы не выдвигаем романов на Букер... — главный примирительно хлопывает пухлой ладошкой агатокристиевского Пуаро, — мы работаем на рынок, Левушка! На рынок, — раздельно и веско произносит он. — Рынок! У тебя такой прекрасный герой, мы даже подумывали о переиздании с самого первого романа... в твердом переплете! И тут ты приносишь мне ЭТО!»

Первый роман — сплошные высокопарные мертворожденные потуги, это даже не проба пера, а нечто беспомощно-слюнявое, но я благодарен, что меня тогда не отшили, дали возможность попробовать, издали, поддержали... Мне немного стыдно — но

только не за ту рукопись, что я принес сейчас! Мне стыдно за роль просителя. Сейчас, когда я действительно принес нечто стоящее!

«Разумеется, — говорит человек в директорском кресле, — если МЫ это напечатаем, то ЭТО купят. Те, кто покупает тебя всегда. Но не факт, что после ЭТОГО они купят еще хотя бы одну твою книгу! А те, кто потребляет философскую заумь, тебя не знают, да и знать не хотят!»

Он сказал «философскую» — но это не означает, что распластанный на столе под его дланью роман относится к этой категории. Просто это слово у главного ругательное. И означает все сомнительное. Словом, то, что хорошо написано, но не продается.

Но я хочу написать именно такую книгу: любовный роман без пошлости, семейную сагу без неперемennого клеймения эпохи, современный роман без замаранного политического белья — словом, роман на все времена. Я страстно желаю этого, хотя пока не могу даже очертить границы. Я просто знаю, что хочу, и настаиваю на этом, хотя главный и смотрит на меня волком.

Он рассержен, мой воображаемый собеседник, или же это обозлился я сам? Потому что долго брел совсем не в ту сторону, куда желал попасть с самого начала, считая себя — и справедливо считая! — пока что слишком слабым для такого непростого пути. Но сейчас, когда я созрел, когда хочу отведать плодов с другого дерева, из другого сада, мне уже не выпрыгнуть из протоптанной мною же колеи! Потому что эта проклятая канава стала гораздо, гораздо выше моей головы!

Да, мне нужен тайм-аут, чтобы подумать, осмыслить, попросить наконец! Тогда почему не принять это весьма заманчивое предложение?

Я наконец бросаю взгляд на своего приятеля, живого, а не прозрачного собеседника. У него свежая, полнокровная физиономия, прекрасно сидящий костюм и дорогие туфли — словом, он правильно выбрал работу.

Он живет сегодняшним днем, наслаждается им, а не мучается неизвестно откуда берущимися голосами и призраками. Его цифры куда порядочнее моих слов: они честны и однозначны. Они не гоняются за ним по темным проулкам, не поджидают за лихорадочно отпираемой дверью квартиры — скорей, скорей, дрожащими от нетерпения пальцами записать поворот сюжета! Его работа не вламывается на дачу, где он проводит досуг с любовницей,

и не ошеломляет, неожиданно выскочив из-за пальмы в ботаническом саду.

Он добропорядочно скучен — о, желал бы я хотя бы половину своего времени бывать таким же! Однако я слеплен из другого, неправильного теста, куда чего-то не доложили или, скорее, переложили. Потому что бурно бродящие во мне словесные дрожжи частенько накрывают меня по полной в самых неподходящих для этого местах. Днем и ночью. В родной постели и в гостях. На улице. В метро. В лифте. В кафе, где я вдруг начинаю лихорадочно шарить по карманам и бешусь, обнаружив, что оставил блокнот дома.

Ночью, почти заснув, я вдруг вскакиваю, нашариваю на тумбочке рядом с кроватью карандаш и, не зажигая света, торопливо карябаю очередную идею развития романа. Свет я не включаю не потому, что боюсь разбудить кого-то рядом — рядом, как правило, никого нет, — а оттого, чтобы не проснуться окончательно самому. Ночью нужно спать. Или хотя бы пытаться спать, поскольку днем я этого не умею. Оттого что не умею выключаться. Честно говоря, я не умею выключаться вообще.

Я давно стал неврастеником, но не хочу признаваться в этом, списывая все на неумеренную фантазию, а также на кофе, потребляемый в явно бесполезном организме количестве.

Да, я неврастеник, если не псих, — кто в здравом уме будет строчить ночью неизвестно что и неизвестно для кого? Чтобы потом, стиснув зубы и руки, сидеть на самом краешке стула напротив редактора, ненавидя этого добродушного толстяка так, что уже придумал для него и имя, и место, и способ убийства?! К тому же все, все было уже описано ДО меня. Кто-то даже пересчитал все мыслимые в литературе сюжеты — кажется, их всего тридцать девять.

Я знаю, что мне не выдумать сороковой, как не написать ничего бессмертного... но я хочу ПОПЫТАТЬСЯ! И для этого всего-то и нужно, что сказать «да» и сменить обстановку. Увидеть новых людей. Забыть старых. Перестать представлять душку-редактора, желающего лишь добра, убийцей, накидывающим мне петлю на шею. Потому что он совсем не Алоизий Могарыч, небрежно бросающий в лицо Мастеру: глава такая-то идти не может!.. Да, у нас рыночные отношения и не любят нестандарт, потому что сто раз пережеванное и столько же переваренное усваивается и продается куда легче! Но если уж так не нравится все это, значит, давно

пора было остановиться и отправить в помойную корзину ВСЕ! Все то мусорное чтиво, что я создавал тоннами... Нет? Жалко? Потому что там иногда проскальзывает разумное, доброе, вечное? Да и кормит к тому же? Ты сам не знаешь, чего хочешь, Лев Стасов!

— Я позвоню, — веско обещаю я. — Сверю со своим расписанием, может, что и выкрою. У меня плотный график, но... Там ведь тоже можно работать?

— Ну конечно! Отдельные апартаменты, по сути номер люкс! Питание, занятость всего два-три часа в день. И можно пользоваться бассейном, тренажерами... свежий воздух...

— Ты описываешь филиал рая или действительно работу? — усмехаюсь я, чтобы показать, что тронут его заботой и тем, что он выбрал именно меня. Кроме того, я хочу его обнадежить. Не на все сто, а этак процентов на семьдесят. Изобразить, что польщен, но не заискивать. Что заинтересован совсем чуть-чуть, но уже готов уступить дружескому напору. Чтобы ему кто-то где-то поставил галочку. Я доцеживаю последние капли кофе и улыбаюсь. Что-что, а улыбаться, как и держать многозначительные паузы, я умею.

— Даже и не работу, а синекуру! Мне лично такого не предлагают! Пашу́ от звонка до звонка. Но ты — ты же у нас талант... талантище! Кстати, твоя последняя книжка...

Я знаю, что он не читал не только последней, но ни одной моей книги, но слушаю и держу губы уголками вверх так долго, что усмешка начинает смахивать на гримасу.

— Мы, писатели, — говорю я, — очень падки на грубую лесть! Особенно на незаслуженную. Поэтому считай, что ты меня уговорил. Я позвоню. Вечером.

Теперь надо уходить. Быстро и сразу. Иначе приятель поймет, что уже не он уговаривает меня взяться за проект, а я сам вцепился в него мертвой хваткой и опасаясь, как бы все не сорвалось: номер, пусть даже ни разу не люкс, дармовая жратва и куча свободного времени, оплачиваемого как несвободное. Да, в придачу еще и свежий воздух средней полосы, который, разумеется, не эфир Лазурного берега и наверняка будет отдавать местным болотом. Однако лучше болото, чем грохочущая под окнами автомагистраль, сломанный кондей и творческий тупик.

Я отодвигаю стул, оставляю свою долю за кофе и ухожу дожидаться вечера. Намеченного часа, когда я позвоню ему и скажу «да».

**Мир номер один. Реальность.
Ни рыба ни мясо
под соусом Большой Литературы**

Насчет номера я попал в десятку — разумеется, он оказался не люксом. В люксах тут жили клиенты, но никак не работники, пусть и приглашенные писатели. Однако комната была просторной и светлой, с видом на начинающий желтеть парк, террасами спускающийся к сверкающей сентябрьскими стальными бликами воде — река, озеро? В любом случае это был отрядный, уходящий в брейгелевские дали и ласкающий око пейзаж, а не мусорные баки кухни и внутреннего двора.

— Из служебных помещений это самое уютное, — сдержанно похвалил мое новое обиталище администратор. — Питаться будете тоже в э-э-э... служебном ресторане. Готовят у нас очень вкусно, можно и диетический стол!

В том, что готовят вкусно, я не сомневался. Даже беглого впечатления, как говорится, было достаточно, чтобы не усомниться. А также устыдиться собственного ничтожества на фоне чистоты ковров, по которым, казалось, не ступала нога человека, лоска паркета и мрамора, сияющей меди ручек, канделябров и каминных принадлежностей. Я покосился на свои некогда элегантные ботинки и ощутил некую неожиданную радость, что оказался именно тут, в служебном помещении, где нам с ними и было самое место.

— ...в оговоренные часы вы можете пользоваться бассейном, сауной или турецкой баней, если предпочитаете, тренажерным залом и, разумеется, библиотекой — когда вам будет необходимо... — жужжал ученой пчелой администратор.

Ого! У них тут, оказывается, и библиотека есть?

— ...также к вашим услугам бильярдная. Если не дай бог прихворнете, имеется квалифицированная медицинская помощь. В тумбочке у кровати вы найдете все телефоны. Врачу можно звонить круглосуточно... Внизу, у служебного входа, кофе-автомат — тоже бесплатно... для сотрудников...

— А там, внизу, это что, река?

Представитель работодателя очнулся от транса гостеприимства и захлопал глазами:

— Внизу? А, это озеро! К нам приезжают не только поправить здоровье, но и ради рыбной ловли. У нас форель! — с гордостью сказал он. — Можно купить билет, скажем, на день или э-э-э... — он бросил взгляд на мою экипировку, — на несколько часов и ловить! Там же, у озера, можно приготовить. На открытом огне. Или, если желаете, отдать на кухню.

Мои саквояжи, также знававшие лучшие дни, небрежной грудой сваленные в углу номера, вернее моей физиономии оповещали, что я вряд ли куплю лицензию на вылов форели, — однако персонал был вышколен идеально. Парень и бровью не повел, глядя на меня почтительно, но без подобострастия, при этом явно давая понять, что я тут больше чем обслуга: могу гулять по баням и тренажерам, ловить форель и озадачивать ею шеф-повара, ежели не хочу копаться в рыбьих потрохах сам.

Мой промежуточный статус включал в себя бесплатный кофе, бильярд и даже круглосуточные докторские услуги, но остальное — только в «оговоренные часы». Когда я не буду попадать пред ясные очи тех, кто платит за все это вычищенное и надраенное великолепие деньгами, которые не пахнут: ни рыбьими потрохами, ни чем-то иным. Деньги никогда не пахнут, во всяком случае для тех, кто их принимает. И чем больше предлагаемая сумма, тем меньше к ней хочется принахиваться!

Мне предложили ровно столько, сколько я в этом месте стоил. Я взял не глядя и согласился на строго оговоренное время стать прихотью скоробогатеев, капризом хозяина... или не дай бог хозяйки? Боже, только не это! Я словно воочию зрю дамочку неопределенного возраста, щебечущую в последнюю модель айфона: «...Да, мы решили попробовать поднять уровень! Да, дорогая, и он согласился только на шесть недель! Я сама буду посещать мастер-класс, хотя я очень занята, очень!».

Ну что ж, если тут желают ввести моду на словесные тренажеры — только у нас и только сейчас! — я готов. Хит сезона, неожиданный гарнир — к форели или к лечебным ваннам, излечивающим чохом от всего разом: от экземы до импотенции, — не все ли равно, коли так щедро башляют?

Двери в мой прекрасный почти люкс закрывались бесшумно, и я не сразу заметил, что в своем припадке сплина и самоуничиже-

ния давно тону один. Тону, как форель в соусе, который наверняка к ней полагается. И прилагается. И даже предлагается. Предлоги. Прилагательные. Местоимения. Имя места... места, которое, в свою очередь, будет иметь меня. В качестве прилагательного к этому самому месту. И никаких восклицаний или неформальной лексики! Потому что все оговорено, подписано и скреплено печатями. И даже аванс переведен — чин чинарем! Хотя меня наверняка выбрали лишь потому, что ничего крупнее не клевало.

«Да, я определенно не форель!» — хмыкаю я и бросаю взгляд в окно, где метрах в пятистах внизу плещутся в холодной воде, уже непригодной для купания, невидимые рыбки.

Да, я не был форелью. Не был я также Хемингуэем, Умберто Эко или Максом Галло. Я усмехнулся и сказал вслух:

— Да, братиш, ты ни рыба и ни мясо!

Да, не всем предназначено становиться великими. И честный ремесленник от слова всяко лучше бездарного врача или вороватого бюрократа. Я тоже этакий гончар, с уверенностью вертящий свой круг и в конце с удовольствием шлепающий по круглому боку звонкий горшок. И не важно, что изваянный горшок порой откровенно пуст — горшкам и полагается быть пустыми. Но когда-нибудь я вылеплю не просто горшок, я сделаю нечто большее. Я знаю... нет, я не знаю! Я не могу знать, но... я надеюсь на это! Да, именно так: надеюсь.

Как карась надеется, что, если немного поднапрячься — и он станет форелью. Радужной рыбкой в синей волне. Желанной добычей. Которую подают с почтительным поклоном и под соусом.

Завтра меня тоже подадут под соусом Большой Литературы. И не дай бог мне хотя б намекнуть, что я не форель!

Мир номер один. Реальность. Мастер-класс

Я никогда не вел мастер-классы, поэтому не совсем ясно представлял, чем именно буду заниматься в ближайшие полтора месяца: то ли развлекать скучающих бизнесменов, предлагая им угадать с трех попыток, в каких ситуациях нужно говорить «надевать», а в каких — «одевать», или же предлагая расставить запятые в «казнить нельзя помиловать» — детский фокус, всякий раз вызывающий детский же восторг. Однако как я ни прикидывал,

так и не смог уразуметь, зачем понадобился людям, которым приелось все на свете, включая экзотику вроде Зимбабве, и которым по большому счету плевать, скажут ли они «надевать» или «одевать» правильно: пишут письма и расставляют по местам запятые у этих людей секретарши с высшим образованием. Или же я затребован крезами для того, чтобы, отойдя от дел, они смогли без труда скропать мемуары на тему «Как я украл свой первый миллион» или тиснуть бестселлер «Акулы не водятся на мелководье»?

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что мужчина в просторном зале при библиотеке всего один! Вернее сказать, нас было двое — он и я, остолбенело плящущийся на роскошный женский розарий.

Дамы — особой семь или восемь — грациозно восседали за конторками, стилизованными под викторианские, и, дружно повернув ко мне головки, словно цветы к солнышку, испустили невнятный щебет.

— Д-добрый день, — проямлил я. — Рад... познакомиться. — Лев... э-э-э... Вадимович Стасов.

— Я читала все ваши книги! — выдохнула эффектная блондинка в первом ряду. — И «Радость против печали», и «Убей или умри», а самая моя любимая...

Леди загалдели все разом, джентльмен же взирал на меня иронически.

— Очень рад! — надеясь, что искренне, промолвил я.

Так же искренне я не понимал, что все эти красотки надеются извлечь из нашего общения? Да и вообще, что они делают здесь, посреди, можно сказать, осеннего леса и у далеко не теплой воды?! Приехали изловить форель и съесть ее живьем? Сыграть на разделение на бильярде? Или тут будет проводиться местный конкурс красоты, совмещенный с ориентированием на местности, с призовым фондом пять миллионов — потому что дамы, которые тут расселись, вряд ли согласились бы на меньшее!

Я взирал на выставку высококачественного силикона, на вид не старше двадцати пяти, которая бы сделала честь любому собранию восковых фигур — так они были вылощены и безупречны: подкачаннные губки, соблазнительные грудки, томные очи... Эти ручки явно никогда не держали в руках ничего тяжелее серебряной ложки! Так чего же они хотят от весьма далекого от гламура

Льва Стасова? Который и пентхаус-то видел только в своем воспаленном воображении!

— Очень рад, — сказал я, — что нахожусь в столь изысканном обществе! Да поможет мне пережить это единственный находящийся здесь джентльмен!

— А что, — неожиданно поинтересовалась дама за дальней конторкой, — разве джентльмен здесь единственный?

Остальные захихикали, кое-кто даже слегка заплодировал, а я весело ответил:

— Писатель не может быть джентльменом по умолчанию!

— О! — воскликнула дама. — Это обещает нам многое!

— Оргазмов словесности я не гарантирую, — галантно поклонился я, — я больше специалист по садо-мазо в области грамматических ошибок и отсутствию запятой перед что!

— А что? — Мадам никак не желала утомиться. — Она всегда там должна быть? Честно говоря, я больше рассчитывала не на уроки грамматики, я хотела бы научиться строить сюжет и писать... ну, скажем, так же легко и связно, как разговариваю!

— Сие есть великая тайна, ведомая далеко не всем писателям! — поклонился я, а дама польщенно улыбнулась. Улыбка была строго дозированная: так улыбается хозяйка, желая поощрить горничную. Этой улыбкой мадам сразу расставила всех по местам: хотя я и находился во главе собрания, а она занимала галерку, — но я был всего-навсего приглашенный массовик-затейник, физкультурник с гармонью, свадебный тамада с надутыми шариками и непристойными конкурсами для подвыпивших гостей... она же уселась там, где ей было удобнее.

— Да, да!.. — зашумели девицы, переглядываясь. — Нам бы очень хотелось!..

— ...я купила тур, потому что пообещали...

— ...ах, я тоже хочу научиться писать!..

— ...это мечта всей моей жизни, с детства!..

— ...я уже отправляла рассказы на всякие там конкурсы...

Один лишь мужчина не раскрывал рта. Вероятно, он забрел сюда по ошибке и теперь не знал, как смыться, не задев моего писательского самолюбия и не наткнувшись по дороге на пару силиконовых препятствий.

— Ну что ж, — я улыбнулся всем, в том числе единственному представителю сильного пола тоже, — тогда давайте начнем?

**Мир номер один. Реальность.
Вдохновение и железная задница**

Вчера все прошло, можно сказать, гладко: я свел первый мастер-класс к обычному отработанному трепу «как-я-стал-писателем»: немного личной жизни и чуток околотитературных баек. Даже пару анекдотов на грани вдохновенно стравил. Девушки, явно искусшенные в таких вопросах куда больше меня, заливались нежным румянцем и, хихикая, жеманились. Спасибо и тому единственному представителю сильного пола, который так и не ушел, дабы не портить мне дебют. Он также проявлял интерес и пару раз, увлекшись, совсем не по-господски ржал, разевая пасть с безупречными акульими клыками. Однако сегодня его не было. Девушек, похоже, еще прибавилось. Или это я вчера неправильно их сосчитал?

— Вы пишете, когда вас посещает вдохновение?

О господи... Я сжал зубы, чтобы не выругаться словами, которые в этом заведении произносить было не принято. Хотя черт его знает, что тут было принято и чего они действительно от меня ждали? Скорее всего, они смутно отождествляли меня с героем моих же опусов — демонстрировал же я вчера и трехдневную небритость, и хамоватый напор. Возможно, вчера, на нашей первой литературно-массовой оргии, я по полной излучал не свое, личное, богатое лишь замысловатыми комплексами и интересное разве психиатрам, а удачно сымитировал ауру героя Макса — тот сорт неотразимой брутальности, при котором дамам сначала хотелось непроизвольно стиснуть колени, а потом развести их?..

— Если бы я ждал вдохновения, то написал бы не тридцать два романа, а тридцать два четверостишия, и то в лучшем случае, — веско проронил я. — Вдохновение я оставляю поэтам. Прозаику, удел которого КРУПНАЯ проза, — я нарочито подчеркнул слово, — вдохновение не по карману! Вдохновение — дорогая, элитная, эксклюзивная штука! — Я послал ироническую улыбку спросившей, также весьма дорогой, элитной и эксклюзивной, и эта штука иного рода поглотила ее без остатка, словно черная дыра. — Писателю скорее нужна железная задница, потому что роман — это долгоиграющая пластинка... весьма долгоиграющая! И крутить ее нужно по десять-двенадцать часов в день. Иногда даже по шестнадцать.

— Да-а-а?..

Нежные глазки расширились, розовые губки скривились. Да, милая моя заводная куклолка для богатых папиков, двенадцать часов за клавиатурой, когда задница действительно уже не чувствуется, пальцы припухают и болят, глаза словно песком засыпаны, красные и слезятся, а на ужин — все те же бутерброды с засохшим сыром, потому что ты увлекся и некогда было сходить в магазин, а сейчас просто уже не дойдешь до любимого круглосуточного на углу... Не нужно тебе этого, моя девочка Барби! Не нужно вместе с вдохновением, отсиженным напрочь задом и сыром, каким бы даже дворовый пес побрезговал, милая моя штучка с штучкой! Даже если тебе будут платить чистыми не гривну тридцать четыре с каждой проданной макулатуры в полтинник ценой, а, зашибись, целую гривну пятьдесят! Ты еще не так надула бы свой дорогостоящий ротик в ужасе от того, как дешево оплачивается книжная проституция, не в пример тарифам, по которым идешь ты... так что все это не твое, детка. Зря ты выбросила заработанное или подаренное и купила этот тур со склизкой форелью, холодной, воняющей тинной водой, красивой только издали, и этим жалким писателишкой на сдачу. Ничего из полученных здесь впечатлений тебе не пригодится. Возвращайся-ка ты, пока не поздно, к привычному: дорогому, теплему, комфортному, понятному... Где и ты, милая девочка, также востребована и понятна. Ты допустила оплошность, минутную слабость — захотела познакомиться поближе с модным щелкопером, потому что прочитала у него «все-все-все!» Тридцать два тома, годящихся для растопки каминов холодными осенними вечерами. Бестселлеры, хорошо помещающиеся в дамские сумочки и прекрасно скрашивающие поездки в метро. Когда в течение срока минут больше нечем себя занять, кроме Макса-борца-со-злом. Героя с тугой ширинкой и остальным, что только дорисует твое «все-все-все». Зря ты ищешь во мне сходство с сим персонажем: мы с Максом похожи лишь в одном — мы оба ненастоящие. Он — бумажная, кое-как прорисованная фигурка, топорно вырезанная ножницами моего воображения, а я... со мной все еще хуже. Я раб Макса, исполняющий все его прихоти, крепостной, являющийся по первому зову. У него тридцать два тома полновесной жизни, у меня — все та же душная, захлавленная конура, из которой я не выбираюсь почти никуда, разве пару раз в год Макс милостиво меня отпускает — на семь дней от силы. И тогда я схожу с ума, не зная, как разумнее распорядиться выпавшей неделей свободы.

И делаю глупости, которых он, Макс, никогда бы себе не позволил. А когда снова возвращаюсь в свою кабалу, то чувствую почти облегчение, почти счастье! Только не нужно путать это с радостью творчества или вдохновением, о котором вы тут рассуждаете. Потому что я и сам толком не знаю, что это такое... Временами я думаю, что оно, это самое вдохновение, — лишняя обуза. На Пегасах не возят кирпичи, моя дорогостоящая девочка...

— Я думала, для того чтобы писать, обязательно нужно вдохновение, — лепечет, чуть не плача, зефирное создание.

Бедная, бедная!.. Я еле заметно улыбаюсь.

— Для того чтобы писать — не важно, детективы или любовные романы, если они вам больше по душе, необходим всего-навсего лишь особый склад ума. И желание. И время. Если у вас есть и то, и другое, и третье...

Я улыбаюсь уже поощрительно, и эта рыбка заглатывает наживку полностью:

— О да! Конечно, есть! Я... я готова работать, правда!

Остальные смотрят ревниво и настороженно: они не успели сказать, что тоже богоизбранны и вдохновенны, дать понять, что силикон, полуметровые ресницы и татуированные брови — это так, преходящее, дань моде; на самом же деле они только и ждали случая отринуть суетное и стать даже не музами — о нет! — теперь это уже пройденный этап! Они страстно желают творить... творить! Именно для этого они здесь!

Высочка сияет, не замечая, что восстановила против себя всех прочих:

— Мы начнем прямо сейчас, да?

— А индивидуальные уроки будут? — не выдерживает кто-то из второго ряда.

— Конечно! — многозначительно киваю я. — Обязательно!

И тут меня осеняет.

— Вы любите сказки? — неожиданно для аудитории спрашиваю я.

Дамы недоуменно и настороженно переглядываются. Ни одной не хочется попасть впросак и быть высмеянной. Мало ли зачем я спросил?

— Я обожаю сказки! — твердо возглашаю я. — Вся великая литература — суть сказка. Шекспир, Ромео и Джульетта, мавр и Дездемона, «Одиссея» и «Илиада», Библия, не говоря уже о му-

ми-троллях и «Хрониках Нарнии»! Недаром один очень умный человек сказал: «Вначале было Слово», а второй, не менее умный: «Вначале были сказки»!

— Я их тоже обожаю! — облегченно выдыхает принцесса в первом ряду и закатывает глазки.

— И я...

— И я!..

— Поскольку далеко не все наши занятия будут индивидуальными, а разбор того, что вы будете творить... гм... — в лучшем смысле этого слова! — мы будем делать на каждом нашем семинаре, чтобы на ошибках одного автора могли учиться все, равно как и разделять успех, я хочу предложить вам вот что...

Я неспешно прохожу меж конторками, вдыхая сложный аромат нагретого солнцем старого полированного дерева, тисненых золотом книжных переплетов и духов: терпких, горьких, сладких, цветочных... Этот сложный коктейль наложен поверх оглушительных феромонов молодости и красоты и бьет просто наповал. Даже та, за последней конторкой, которая уже не так молода и почти некрасива, — от нее тоже исходит, и обволакивает, и протягивается некая веревочка, петля, чтобы р-р-раз! — и мгновенно затянута на зазевавшемся. Я рефлекторно отодвигаюсь подальше и кладу перед зрелой — и поэтому особенно опасной — мадам невинный белый пустой лист:

— Не считите за труд, мои дорогие будущие Шарлотты Бронте и Вирджинии Вулф, и ответьте на весьма простой вопрос: героиней какой из сказок вы себя считаете?..

— Ух ты!.. — восклицает кто-то. — Я уже знаю какой!

— ...а также обоснуйте, почему вам хочется быть именно этой героиней, а не кем-то другим, — не оборачиваясь, продолжаю я. — Не жалейте красок, не бойтесь выглядеть смешно, помните — это всего лишь игра... сказка!

— Потому что в сказках Иванушка-дурачок в конце концов оказывается самым умным? — ехидно поет тот же серебристый голосок, который первым признался в любви к сказкам.

— В точку! — Я прохожу обратно к своей кафедре красного викторианского дерева (неужели подлинный антиквариат?!) — и непочтительно опираюсь на нее своими локтями. — Кроме того, мы будем придерживаться правил строгой анонимности. Разумеется, если автор захочет раскрыть свое инкогнито, мы так и сделаем,

в остальных же случаях... Не торопитесь, времени у нас достаточно, — отвечаю я на чей-то поднятый ко мне взгляд. — Ну, скажем, до обеда. Идет?

Слава богу, сегодня мне уже не нужно их ничем занимать — дамы и девицы сразу увлекаются процессом. Некоторые уже испортили первый лист и неожиданно робко подходят, чтобы взять новый. Я щедро раздаю казенную бумагу и поощрительно киваю каждой.

Наладив бесперебойный процесс, я разваливаюсь на кафедре с видом профессора, принимающего экзамен, и начинаю глядеть в стекло, промытое до полной невидимости. Озера из библиотеки не видать, однако пейзаж не менее эпический: трехсотлетние дубы на горизонте, аллеи елей, пихт и еще каких-то не опознанных мною вечнозеленых вокруг главного корпуса и гостевых коттеджей. По дальней аллее в солнечных лучах движется кавалькада конных: живописные блики на лоснящихся гнедых и вороных крупах. Сияют лаковые сапожки и белые перчатки, подпрыгивающими точками движутся черные кавалерийские шлемы... А вот и белая лошадка! На ней восседает сам принц, не иначе! Я едва не фыркаю и подавляю сильное желание рассмеяться в голос и закинуть ноги в отнюдь не парадных башмаках на заморский антиквариат. Или же дать себе волю и все-таки закинуть?

Вдалеке звучит благородной медью гонг к обеду. Сейчас мои респондентки отправятся вкушать на фарфоре и пить из хрусталя, меня же ждут вещи более прозаические, но в то же время и более привычные, и обед без затей. Вчера в служебной столовой — помещении без окон позади кухни, дабы никого не смущать видом персонала, не отличающего рыбной вилки от салатной, — мне были поданы суп из потрохов, гречневая каша с подливой, салат и компот, а на ужин — творожная запеканка. Просто, вкусно, сытно. Пожалел я лишь об одном — что не прихватил с собой термос, чтобы не спускаться всякий раз за порцией кофе из автомата.

Исписанные листки стай белых бабочек слетаются на мой стол, и дамы, неожиданно притихшие и задумчивые, покидают помещение. Меня так и подмывает посмотреть: кто есть кто? Однако торопиться не стоит... Я прислушиваюсь к удаляющемуся цоканью каблучков — он странным образом сливается в моем воображении с перестуком копыт только что проехавшей каваль-

кады — и все-таки забрасываю ноги на профессорскую кафедру. Выдыхаю и чувствую, что, несмотря на то что изо всех сил развлекался и бездельничал, чертовски устал и что забавлять скупающих дамочек будет куда труднее, чем представлялось мне сперва.

Я почему-то так выдохся за неполные два часа представительства и обольщения, что с удовольствием бы закурил, но... во-первых, бросил, а во-вторых, курить в помещении тут категорически не рекомендуется. И в-третьих... в-третьих, нужно освобождать помещение: наши академические утренние часы вышли, мало ли кто вздумает явиться сюда за книгой? И, войдя, увидит меня — плебея от литературы, по-свински взгромоздившего ноги на бесценный восемнадцатый век. Внезапно я действительно слышу приближающиеся шаги и, суетливо дернувшись, некрасиво обрушиваю конечности вниз, сбив по дороге всю пачку исписанных страниц на пол.

Шаги приближаются... и удаляются мимо библиотеки, а я все ползаю по паркету и, чертыхаясь, собираю анкеты своих сказочных персонажей, чувствуя, что задираание ног таки не прошло даром — я ушиб коленку и мне вступило в спину. Да, я явно не супергерой Макс, ни разу не супергерой! Потому что тот даже не пошевелился бы! И своему вескому имени Лев, которым меня наградили мать и бабушка, романтические женщины семьи Стасовых, я тоже соответствую до крайности мало.

***Мир номер один. Реальность.
Деять Золушек, несостоявшаяся Русалочка,
Золотая Рыбка и Серый Волк***

Потирая спину и прихрамывая, я вломился в свою комнату. Колено ныло, живот урчал. Станным образом услышанный гонг повлиял на мой аппетит: есть хотелось смертельно. Я просто исходил слюной и желудочным соком.

— Я что, собакой Павлова в прошлой жизни был, что ли?.. — пробурчал я.

Я мысленно приказал бушевавшим в организме железам утомиться, потому как металлический обеденный призыв был не для них: в служебной столовке накрывали только через полтора часа, когда персонал освобождался после обслуживания VIP-клиентов.

Я раздраженно швырнул измышления приданных собственно мне вивов на стол и прикинул, чем пока можно заморить червячка. В поле зрения не было ничего, кроме початой бутылки воды. «Идиот! — мысленно обругал я себя. — Знал, куда едешь и что ближайший супермаркет отсюда за полсотни кэмэ! И не взял, отправляясь в эту неболдинскую осень, ничего — ни чипсов, ни шоколада, ни даже пачки обычного печенья! Теперь будешь отовариваться в местном баре, который отнюдь не рассчитан на голдранцев вроде тебя, да и бюджетных чипсов там, разумеется, не сыскать!»

Я раздраженно выпил полстакана воды, чем только раздражил беснующегося внутри зверя. Оставалось одно — спуститься вниз за порцией кофе. Ну что ж, я и питался-то в основном кофе — у себя дома. А здесь, смотри, сразу и избаловался: первое, второе, компот! А запасных штанов-то тоже не взял! С таким аппетитом, того и гляди, на каше с подливой меня как на дрожжах поперет, тем более что добавку брать не возбранялось — питайся сколько влезет.

Первый стаканчик кофе я употребил прямо у автомата, второй унес с собой. Развалился в кресле у окна и протянул руку за верхним листком.

«Когда я была маленькой, моя любимая сказка была «Золушка». Я ее очень жалела, а злую мачеху просто ненавидела. И мечтала, когда вырасту...»

«Золушка — мой любимый сказочный персонаж. Она такая прикольная, веселая! Никогда не унывает, у нее хороший характер, а хорошие люди всегда получают от жизни награду!»

— Щас! — хмыкнул я. — Получают хорошие люди от жизни вознаграждение, как же! Держи карман шире! Только фуршет из гречки, и то не везде!

Я взял приготовленную для своих высокопрофессиональных замечаний ручку с красной пастой и крупно надписал на первых двух опусах: «Золушка № 1» и «Золушка № 2».

«Думаю, больше всего я похожа именно на Золушку...»

«Золушка...»

«Золушка...»

Номер три, номер четыре, номер пять!

«Знаете, я думаю, многие девушки из присутствующих здесь напишут, что они хотели... — зачеркнуто слово «хотели», — счи-

тают себя похожими на Золушек. Да, конечно, Золушка — самая харизматичная, самая милая, самая терпеливая... и самая банальная сказочная фигура, не так ли?..»

— Ух ты! — воскликнул я громче, чем полагалось бы. — Наконец вижу небанальные рассуждения!

«...Ее терпение и практически рабский труд в конце концов вознаграждаются, но не сестрами и не мачехой — самодурой? самодуркой? — простите, не знаю, как правильно, — и даже не родным отцом (странно, правда?), а крестной с волшебной палочкой. Я считаю, что “Золушка” — сказка, которую любит большинство, потому что люди не воспринимают жизнь такой, какая она есть на самом деле, и зачастую ждут, что придет кто-то и все устроит. Подарит кучу новых платьев, машину, ну и принца к этому всему, разумеется. Я не хочу быть Золушкой. Я хочу сама устраивать свою жизнь. И не потому, что не люблю принимать подарки — это каждая женщина любит. А просто потому что не верю в добрых фей и прекрасных принцев. Да, чудеса иногда случаются... со мной один раз тоже случилось самое настоящее чудо — но... сейчас ведь нужно не об этом, да? Нужно выбрать кого-то, но не Колобка, да? Я не очень похожа на Колобка!» В этом месте она нарисовала смайлик, должно быть, портрет того самого сказочного персонажа ☺. Я улыбнулся веселой рожце и, все более заинтригованный, стал читать дальше: «И не Спящую Красавицу — очень уж долго она спала, целых сто лет! Кроме того, в старом варианте сказки на нее набрел не Принц, который ее поцеловал, и она проснулась, а Король... наверное, короли лучше знают жизнь. И поцелуи их уже мало интересуют. Король попросту изнасиловал спящую...»

— Ничего себе! — воскликнул я, отложил убористо исписанный листок в сторону и врубил ноутбук. Вбил в поисковик «спящая красавица версии сказки», и он тут же выдал требуемое: «Спящая Красавица». Первым записал ее граф Джамбаттиста Базиле (1575—1632). Вышла она под псевдонимом Джан Алесио Аббаттутис весной 1634 года в Неаполе, в издательстве Бельтрамо, в сборнике «Сказка Сказок»...

Я быстро водил глазами по строчкам, узнавая о сказках, собранных графом, все больше и больше нового. Мда... любимые сказочки в виде, в каком они существовали в те времена — пересыпанные площадными словечками и постельными откровениями, — были

предназначены скорее для увеселения находящихся в подпитии взрослых, нежели для того, чтобы рассказывать их на ночь деткам!

«...приехав, воспользовался невменяемым состоянием Спящей Красавицы и овладел ее телом. Девушка, не приходя в сознание, забеременела и спустя положенный срок разродилась двойней. Она родила мальчика и девочку, которые лежали рядом с ней и сосали ее грудь...»

«...изнасиловал спящую и вернулся домой, к жене и детям, наверняка очень довольный приключением. Не помню, сколько раз этот мерзавец туда возвращался, но девушка забеременела и родила — прямо во сне. Также я не помню, отчего она проснулась — но она таки очнулась...».

Действительно, а отчего же она проснулась? Я снова обратился за помощью к интернету: «...если бы однажды мальчик не потерял материнскую грудь и не принялся бы сосать ее палец — тот самый, уколотый веретеном. И высосал занозу...» Ага, все ясно! Непонятно только, почему девица не поразилась, обнаружив себя не в одиночестве! Впрочем, после столетней амнезии, наверное, и я бы не удивился присутствию двойни, не то что женщина!

«...она таки очнулась, и рядом были дети. Я бы хотела, чтобы у меня когда-нибудь были дети. Но не таким способом, правда?» Почему она все время ищет у меня подтверждения и хочет, чтобы я с ней соглашался?! «...так что Спящая Красавица отпадает. Как и Колобок». Снова смайлик. «И кто остается? Капризная возлюбленная Алладина принцесса Жасмин — нет, не мой характер. Рапунцель? Снова не мое, хотя в свое время я и пережила самое настоящее заточение. Но я стараюсь забыть об этом. Кроме того, я никогда не любила сказки братьев Гримм. Еще имеется правильно мотивированная третья сестра, жена царя Салтана, — кстати, почему в сказке ни разу не упомянуто ее имя? Отвратительно быть персонажем без имени, так что и она отпадает! Тем более что на море меня жутко укачивает. Кстати, о море. Русалочка! Жаль, но тоже не мое... уж слишком грустно. Долой грусть, ее и так было слишком много! Неужели придется снова вернуться к Золушке? Но я больше чем уверена, что Золушек в нашей компании и так будет достаточно! А сейчас уже выйдет время... Золотая Рыбка! О! Я буду Золотой Рыбкой, хорошо? Обожаю аквариумы, а также исполнять желания... и смотреть, что из этого получается. Толь-

ко, боюсь, желания я исполняю очень по-своему...» Снова смайлик. Любит улыбаться? Доброжелательна по характеру? Или просто постоянно зависает в сетях? Впрочем, кто сейчас не зависает? «...Надеюсь, мое сочинение вам понравилось?»

Я перевел дух. Интересно, кто из присутствующих мог такое написать? С виду все они не таили никаких неожиданностей. В том числе и литературных. Послание было написано очень бойко и как-то легко, слишком легко для просто начинающей! Во всяком случае история Спящей Красавицы в нем была изложена куда более удобоваримым языком, чем в самой читаемой ссылке в Инете! Возможно, я не прав и тут собрались не одни лишь скупающие девицы, сосланные в глушь принимать полезные для здоровья ванны и кататься на пони, но кто-то действительно приехал именно за уроками литературного мастерства?

Я нетерпеливо схватил оставшиеся сочинения: не ждут ли меня еще подобные... нет, не подобные — но еще хотя бы какие-нибудь сюрпризы?!

Однако сюрпризов, увы, больше не оказалось.

«Я чувствую себя Золушкой...»

«Я знаю, что я Золушка...»

«Золушка...»

«Золушка...»

— Девять Золушек и всего одна Золотая Рыбка! — подвел неутешительный итог я. — Нет, наверняка десять Золушек... — Я потянулся за последним листком и взглянул на часы. Время служебного обеда уже пришло. Я поднялся, предвкушая сытную кормежку, но, мучимый любопытством, все же заглянул в оставшуюся анкету.

Никаких эссе на тему, почему опрашиваемая считает себя Золушкой или даже Спящей Красавицей, и в помине не было. И вообще никаких рассуждений. Посередине крупными печатными буквами было выведено «СЕРЫЙ ВОЛК».

— Вот это да! — воскликнул я, почти потрясенный. — Серый Волк! Безжалостный хищник! Сожравший маленькую девочку и ее бабушку! В компании девяти маленьких девочек и одной рыбки! Многообещающе!

Я аккуратно и медленно, словно листок с «Серым Волком» мог ожить и тяпнуть меня за палец, положил бумажку на стол, почему-то словами вниз, и отправился обедать.

Вначале были сказки.

*Михаил Гаспаров.
Занимательная Греция*

Он говорил об этом деловито, как о каких-то технических подробностях, и Ять в который раз подивился способности этого невероятного человека сочинять себе сказку из чего бы то ни было.

Д. Быков. Орфография

Мир номер два. Вымысел. Три желания

— Сдохнет она у тебя... — сказала Красная Шапочка и постучала пальцем по стеклу.

Рыбка не пошевелилась. Вид у нее и впрямь был неважнецкий. Чешуя поднялась дыбом, и Золотая Рыбка стала похожа на еловую шишку.

— Ты что, снова ей воду меняла?

Рыбка пошевелила ртом, и Шапочке показалось, что она выругалась. Матом.

— Ну так она ж роется! Всю муть подняла. Ищет незнамо что... Тварь неблагодарная! Корми ее... Пойду опять червей накопаю, что ли? Скотина прожорливая, весь сад из-за нее изрыла...

Клара нехотя взяла в руки со свежим маникюром лопату и вышла. Шапочка посмотрела в удаляющуюся спину, потом украдкой вытащила из корзинки небольшой пакетик с каким-то сероватым порошком и потрясла им перед аквариумом. Рыбка зашевелилась. Глаза ее смотрели страдальчески.

— Три! — сказала гостя отдельно. — Три же-ла-ния!

Рыбка с трудом развернулась в тесном узилище и встала к вымогательнице хвостом.

— Эй! — Шапка снова постучала пальцем. — Ты жить хочешь, нет?

— Дура, — с трудом шевеля губами, выговорила Рыбка. — Одно!

— Два! Два или ничего!

— Полтора. — Рыбка явно издевалась.

— Как это?

Красная Шапочка и впрямь была туповата. Всякий раз она загадывала одно и то же: чтобы бабушка воскресла. Нет чтобы Волк заблудился и ходил кругами по лесу, ничего не узнавая, плача и наталкиваясь на деревья. Рыбка представила себе эту картину и хмыкнула. Вода, проклятая пресная вода драла, словно наждаком, резала глаза. Рыбка задыхалась. Почему эта идиотка ни разу не попросила убить Волка? Впрочем, это было бы бесполезно. Волк, олицетворяющий Зло, был абсолютно бессмертен. Все в Лесу это знали.

— Ладно, — она шевельнула плавником. — Ладно! Два! Только скорее...

— Ага! — Шапочка подхватила со стола нечистую чашку с остатками кофейной гущи, зачерпнула ею из аквариума, всыпала содержимое пакетика и поболтала ложкой. Потом влила жидкость обратно в комнатный водоем.

— О-о-о...

Морская соль расходилась блаженными кругами, вода стала словно шелк. Рыбка в изнеможении закрыла глаза и привалилась боком к водорослям.

— Эй, эй! — забарабанили снаружи. — Ты не спи! Желания! Два! Два желания! Ты обещала!

— Говори... — пролепетала Рыбка. — Быстрее...

— Это... хочу, чтобы бабушка ожила!

— Готово! Давай второе.

— Ну и это... чтобы прыщей не было. Ни-ко-гда!

— Никогда, никогда... — пробурчала Рыбка. — Ничего не бывает никогда! Сладкого надо меньше жрать! Пирогов трескать! А чтоб никогда — замуж выходи! Вот тогда и полегчает!

— За кого ж мне выходить? — опешила Шапка. — Я это... не знаю!

— За принца! — бушевала воскресшая Золотая. — Вон их сколько шастает! Любого выбирай!

— Мне за принца не положено. — Глаза у Шапочки наполнились слезами. Слезы были солеными, совсем как вода, которая теперь не обдираала, не резала, не колола иголками, а струилась вокруг, словно атлас бального платья, и Рыбка смягчилась.

— Ты попроси, — посоветовала она. — Попроси в следующий раз! Я для тебя...

Она не договорила, потому что вернулась Клара с лопатой и жестянкой, полной червей.

— Вот сука, ты подумай! — воскликнула Клара, глядя на аквариум, в котором клубилась кофейная гуща. — Опять рылась! Опять воду менять! И чего она все время там ищет? Червей же я приношу! Я! Ты, скотина бессмысленная, — крикнула она Рыбке, трясая огромным розово-серым червем. — Жрать хочешь? Хочешь, а? Червяк! Еда! — надрывалась Клара, но Золотая надменно отвернулась и делала вид, что спит. — Еда! Три желания! Три! Да повернись ты мордой, тьфу, лицом! К Лесу спиной, ко мне передом! Червяки! Много! Жирные! Три желания! Я ж тебя кормлю! Воду меняю!

Рыбка в бешенстве затрясла хвостом, закатила глаза и выплюнула попавшую в рот кофеинку.

— Не хочешь жрать? И не надо! Цаца позолоченная! Я за него все равно выйду! Потому что я тут самая умная! И красивая!

— Дылда ты недоученная! — взорвалась Рыбка. — Швабра! Доска, два соска!

— Что-о-о?! — задохнулась Клара. — Что ты сказала?! Да я... меня в модели звали! Два раза даже! Да что б ты понимала в красоте, селедка ты полудохлая! Воблядь! Ты ж еще при Рубенсе родилась! Лупоглазка ты целлюлитная с базедовой болезнью! Камбала с метеоризмом! Сдохнешь ты у меня теперь! Шиш тебе червей! Голодом заморю!

— Я пойду, — сказала Красная Шапочка. Делать у Клары было уже нечего. Бабушка воскресла, и ей надо было нести пирожки.

Мир номер один. Реальность.

Гороховый суп, или Старые сказки на новый лад

Я перечитал текст — мой собственный текст, который я сам только что закончил. Вернее, не закончил, а начал. Какую-то ересь о сказочных персонажах: Красной Шапочке и Золотой Рыбке, заточенной в аквариуме у Клары. Кларой я назвал одну из сестер Золушки. Понятно, что при таком раскладе вторая сестра неминуемо станет Розой. Зачем мне сдались Клара, Роза и остальные, было непонятно. Совершенно непонятно!

Я приехал сюда, чтобы вести неспешные занятия с девятью Золушками и одной Золотой Рыбкой, которые ожидали меня на вечернее randevu... да, и с одним Серым Волком! Наверное, девица никак не могла обосновать, почему она не Золушка, и решила так пошутить. Сейчас... э-э-э... не сейчас, а ровно через три часа

две минуты я войду в библиотеку и объявлю... а что объявлю? Что я круглый кретин? Нет, это идиоты бывают круглыми, а кретины... кретины другой, более сложной формы. Например, кретины в виде додекаэдра. Или тора. Бубличный кретин, одним словом. Да, и поведаю миру, что я — кретин бараночный, который вместо того, чтобы писать роман века, сидит и забавляется побасенками типа «старые сказки на новый лад»! Гороховый суп, что ли, на меня так повлият? Кстати, это гениальная идея — класть в гороховый суп кинзу! Правда, я сам почти не готовлю, нет у меня такой полезной привычки, но если вдруг захочу кого-нибудь удивить или угостить?.. Хотя обычно угощают не гороховым супом, но почему непременно нужно впихивать в себя немыслимое количество углеводов в виде сомнительных печенок, когда можно купить мяса, и сухого гороха, и картошки... да, там явно были еще морковь, лук и какие-то коренья. И кинза! Божественно было вкусно. Я схарчил две тарелки, так что компот в меня уже просто не поместился. Хотя к компоту в этот раз полагались пирожки. Или пирожки подавали к супу? Короче, эти самые пироги я украл. Стянул, слямзил, свистнул, спер, свинтил, похитил, как Парис Елену, украдкой завернув в салфетку и сунув в карман. И теперь, глядя в совершенно непонятный, странный, не совсем складный и ни на что не похожий текст, сижу и гадаю: а не месть ли это со стороны пансионата? Клуба? Черт, забыл, как правильно называется это место!.. Но то, что оно мстит за похищенное, стопудово! Ладно, все воруют со шведского стола. Лямзят, уносят, тырят, прикарманивают (о, это как раз к месту!), тиснут (пироги, стиснутые в кармане, помялись!), умыкивают... Уносят из-под носа. Обслуга ворует у обслуги, а та — у хозяев. Везде. Потому что так у нас принято. Тем паче, если смотреть с другой стороны, я их нисколько и не уволок. То есть уволок в смысле принес к себе. И потом, пироги мне полагались! Но я сожрал столько супа, что уже не мог смотреть ни на что другое. Кстати, это просто издевательство: на первое — гороховый суп, а на второе — перловка с отбивной! Перловка с горохом как-то не очень, надо поставить это шефу на вид. Перловку я поковырял, но употреблять не стал. Впрочем, мне и гороха хватило. Кажись, теперь у меня бурчит еще сильнее, чем до обеда. У Красной Шапки прыщи, а у меня — метеоризм! И у обоих — дебилность в стадии легкого идиотизма! Потому что она не может пожелать, чтобы Волк сдох, а я не захватил

с собой даже активированного угля! Что, если меня пронесет после такого обжорства? Да, тут же доктор есть! Айболит! Круглосуточно. Наверняка круглосуточно, потому что повар хороший. И кинза была очень к месту! «А твой текст — ни к селу, ни к городу! — сказал я себе. — Ты же решил написать роман... серьезный психологический роман... от лица женщины...»

— Женщин тут хоть отбавляй! — воскликнул я вслух. — И все на мою голову! Золушки, бя! Насмотрелся! А потом еще и городом заправился, как истребитель керосином! Потому из меня фэнтези и прет! Просто со страшной силой! Клара... и Роза!

Розы пока не было, но организм, катализированный кинзой, не обманешь: я знал, что Роза не замедлит явиться. Потому что я писатель. Который пишет... пишет... и не может остановиться! Графоман чертов! Надо было выучиться на бухгалтера, как мама советовала! Тихая, спокойная работа... Впрочем, что я знаю о бухгалтерах? Ровно столько, что слово «бухгалтер» созвучно с «бюстгальтер». «Красная Шапка — девка ядреная, — внезапно подумал я. — И бюст у нее должен быть не меньше пятого!»

— Полный идиотизм! — сумрачно сказал я и потянулся, чтобы щелкнуть мышью и отправить файл в корзину. Он был мне не нужен. Позабавился и хватит. — Никакой Клары! — строго сказал я. — И Розы! Тем более никаких Золотых Рыбок, червей, воды с кофейной гущей и трех желаний! Даже двух! Надо начинать роман...

Он, несомненно, уже был зачат где-то внутри, этот роман. Я знал, что он будет от лица женщины. Которая словно бы живет в трех мирах: реальном, своем собственном и в мире иллюзий, где все могло изменяться и можно было вернуть прошлое и переменить решение. Случайно выйти не на своей остановке, пройти к дому пешком, дворами и таким образом не попасть в руки насильника... или просто не того человека. Или из двух пунктов теста выбрать не первый, ошибочный, а второй, и попасть на работу, о которой мечтала... Я уже видел, я выстрадал этот роман в своих ночных сражениях с ненасытным супергероем Максом, который требовал от меня все больше усилий, но так и не становился от этого живее. Мне казалось, что, избавившись от Макса, я мог бы и сам выбрать другое будущее... где я не строчил бы по три-четыре детектива в год, а писал бы один роман — но зато какой!

— И какой же? — иронически спросил я вслух. Спросил самого себя. Того-не-того человека, который и придумал Макса. Родил его.

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Остання Попелюшка
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 12.11.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 15,96. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Последняя Золушка
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 12.11.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 15,96. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Кожна дівчина мріє стати Попелюшкою і потрапити до казки. Однак чи чекає там на неї Принц із усіма атрибутами і, головне, чи буде цей Принц добрим? В елітному заміському клубі одночасно з'явилися аж дев'ять Попелюшок... а також ті, хто бажає грати їхніми життями. Раптово від серцевого нападу помирає багатий клієнт. Чи пов'язана ця подія з однією із дівчат та її минулим? Правду хоче з'ясувати письменник Лев Стасов, якого випадково втягнули у вир подій. У нього починаються стосунки одночасно з двома — ні, не Попелюшками, а цілком зрілими дамами. Хто стане обраницею Стасова і чи є серцевий напад вбивством?

Костина Н.

К72 Последняя Золушка : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 304 с.

ISBN 978-617-12-5432-9

Каждая девушка мечтает стать Золушкой и попасть в сказку. Однако ждет ли ее там Принц со всеми атрибутами и, главное, будет ли этот Принц добрым? В элитном загородном клубе одновременно оказались целых девять Золушек... а также те, кто желает играть их жизнями. Внезапно от сердечного приступа умирает богатый клиент. Связано ли это событие с одной из девушек и ее прошлым? Правду хочет выяснить писатель Лев Стасов, случайно втянутый в самую гущу событий. У него завязываются отношения, причем сразу с двумя — нет, не Золушками, а вполне зрелыми дамами. Кто станет избранницей Стасова и является ли сердечный приступ убийством?

УДК 821.161.1(477)

Наталья
КОСТИНА

ВСЕ, ЧТО МЫ ЕЩЕ СКАЖЕМ

Жасмин — женщина, сбежавшая с дочерью от мужа-деспота и отчаявшаяся найти покой и счастье в чужом городе. Георгий — инвалид, потерявший в автокатастрофе ногу, жену и, похоже, самого себя. Две эти израненные души встретились явно не случайно — им благоволят высшие силы, даруя шанс обрести любовь, о которой оба мечтали. Георгий всем сердцем привязался к чуткой и нежной Жасмин, и она оттаяла, почувствовав себя любимой. И когда муж Жасмин неожиданно находит беглянку и хочет отобрать у нее дочь, женщина-цветок теперь не одна — рядом с ней мужчина, которого она ждала всю жизнь.